

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Фантазмагории в бременском винном погребке. Осенний подарок друзьям вина, стр. 7

– А вы, дорогие мои рейнские родственники, все собрались? Да, вот мой нежный, приятный Андрей, вот отважный Иуда, вот пламенный Петр! Добрый вечер, Иоанн, протри сонные глазки, ты какой–то совсем унылый. А ты, Варфоломей, не в меру растолстел и как будто обленился. А вот и веселый Павел, а как оглядывает всех Иаков, все такой же, как и прежде. Но как же так? За столом вас тринадцать! Кто это там в чужеземном наряде, кто его сюда приглашал?

Господи, как я испугался! Все они поглядели на меня с удивлением и, по–видимому, были не очень довольны моим присутствием. Но я собрался с духом и сказал:

– Покорнейше прошу разрешения представиться почтенной компании. Я человек, удостоенный степени доктора философии, только и всего, и в данное время проживаю в здешнем городе в гостинице «Город Франкфурт».

– Но ответствуй, удостоенный степени смертный, как посмел ты пожаловать сюда к нам в такой час, – весьма строго спросил Петр, и его пламенный взор сверкнул молнией. – Кажется, следовало бы знать, что тебе не место в такой высокородной компании.

– Господин апостол, – ответил я и по сей день еще не понимаю, откуда взялась у меня такая смелость, верно, от вина. – Господин апостол, прежде всего, пока мы не добрые знакомые, воспрещаю вам именовать меня на «ты». А что касается вашей высокородной компании, в которую якобы я пожаловал, так это ваша высокородная компания пожаловала ко мне, а не я к ней. Я, милостивый государь, сижу в этом помещении уже три часа!

– А что вы делаете в такой поздний час здесь в винном погребе? – не так гневно, как апостол, спросил Бахус. – В это время земные обитатели обычно спят.

– Ваше превосходительство, на то есть своя причина, – ответил я, – я друг и приверженец благородного напитка, что цедят в здешнем подвале. Недаром высокородный сенат соизволил дать мне соизволение нанести визит господам апостолам и девице Розе, что, как то приличествует, я и выполнил.

– Значит, вы охотно пьете рейнское вино? – сказал Бахус. – Ну, так у вас хороший вкус, что весьма похвально, особенно в теперешнее время, когда люди охладели к этому золотому напитку.

– Да, черт побери их всех! – воскликнул Иуда. – Теперь никто не выпьет нескольких кварт рейнского, разве какой–нибудь заезжий доктор или досужий магистр, гуляющий в каникулярное время, да и эти нищие норовят выпить на дармовщинку.

– Покорнейше прошу извинить меня, господин фон Иуда, – прервал я наводящего страх господина в красном кафтане. – Я только отведал немного вашей виноградной крови тысяча семисотого года и некоторых других годов, ею меня потчевал здешний уважаемый бургомистр, а та, что стоит сейчас на столе, помоложе, и расплатился я за нее чистоганом.

– Доктор, не принимайте так близко к сердцу его слова, – сказала девица Роза. – Иуда это не со зла, его только сердит, и тут он нрав, что времена переменялись, и народ пошел какой–то вялый.

– Да, – воскликнул Андрей, нежный, приятный Андрей, – мне думается, что теперешнее поколение чувствует себя недостойным благородных напитков, потому сейчас и приходится варить всякую бурду из шнапсов и сиропов и давать ей разные помпезные наименования: Шато Марго Силери, Сен–Жюльен или какие другие в том же роде, и потчевать этой смесью за трапезами, а вокруг рта от нее остается красное кольцо, потому что вино подкрашено, и наутро болит голова, потому что это презренный шнапс.

– Да, раньше, когда мы были еще молодыми, можно сказать юными, в годы девятнадцатый и двадцать шестой, жизнь была совсем другая, – повел речь Иоанн. – Даже еще в пятидесятом году в этих прекрасных покоях кипела жизнь. Каждый вечер, будь то ясной весной, когда солнце светит, будь то зимой, когда падает снег или идет дождь, каждый вечер во всех подвальчиках было полно гостей. Тут, где мы сейчас сидим, восседал во всем своем величии и блеске бременский сенат. Во внушительных париках, при шпагах, с отвагой в сердце, и перед каждым сенатором стояла большая чара.

– Здесь, здесь, не наверху, не на земле, здесь была их ратуша, вот это была зала сената; именно здесь, за стаканом прохладного вина траковали они о благе города, о соседях и прочих делах. Ежели сенаторы не сходились в суждениях, они не спорили, не пререкались, а бодро подымали заздравную чашу, вино согревало сердца, весело разливалось по жилам, и тогда быстро созревало решение, сенаторы пожимали друг другу руки и по–прежнему оставались друзьями, потому что были друзьями и приверженцами благородного вина. Данное слово было свято, и утром наверху, в присутственной комнате магистрата, приводили в исполнение то, на чем порешили накануне в винном погребе.

– Да, хорошее было время! – воскликнул Павел. – С тех пор и повелось и до сего дня еще ведется, чтобы у каждого сенатора был свой винный листок, ежегодный винный счет. Тем господам, что сидели и пили здесь каждый вечер, не угодно было всякий раз лезть в карман и развязывать кошель. Они велели отмечать на бирке, сколько было выпито, а в Новый год рассчитывались, и в наши дни еще есть славные господа, которые тоже так делают, но таких осталось немного.

– Да, да, детки, – сказала старая Роза, – прежде было иначе, так пятьдесят, сто, двести лет тому назад. Тогда гости приводили в погреб жен и дочерей, и бременские красавицы пили рейнское или вино наших соседей – мозельское – и славились далеко вокруг цветущими щечками, алыми губками и прекрасными сияющими глазами. Теперь они пьют всякую мизерабельную дрянь, вроде чая или чего–то в том же роде, что, как говорят, растет далеко отсюда – у китайцев – и что в мое время женщины пили, когда их одолевал кашель или какая другая хворь. Рейнское, приятное, давно признанное рейнское вино они терпеть не могут. Подумайте только, бога ради, они подливают в него испанское сладкое вино, вот тогда оно им по вкусу, они говорят: рейнское слишком кисло.

Апостолы громко расхохотались, и я невольно вторил им, а Бахус так трясся от хохота, что Валтасару пришлось его держать.

– Да, доброе старое время, – воскликнул толстый Варфоломей, – бывало, бургеры выпивали два штофа в один присест и не пьянели, а теперь их один бокал с ног валит. Потеряли привычку.

– Много лет тому назад случилась тут прелюбопытная история, – сказала девица Роза и улыбнулась.

– Расскажи, расскажи твою историю, – стали просить все; она выпила изрядно вина, чтобы прочистить глотку, и начала свой рассказ.

– В году тысяча шестисотом, да еще каких–нибудь двадцать, тридцать лет, в немецких землях шла великая война из–за веры. Одни думали так, а другие этак, и, вместо того чтобы разумно за стаканом вина обо всем столковаться, они проламывали друг другу черепа. Альбрехт фон Валленштейн, генерал–фельдмаршал императорской армии, свирепствовал в протестантских землях. Шведский король Густав–Адольф сжалился и пришел им на помощь с большим войском, конным и пешим. Баталий дано было множество, оба войска ожесточенно преследовали друг друга на Рейне и на Дунае, но это и все; не было ни решительного наступления, ни решительного отступления. В те годы Бремен и остальные ганзейские города были нейтральны и не хотели портить отношения ни с той, ни с другой стороной. Но путь шведу лежал через их владения и ему важно было сохранить с ними дружбу и согласие, поэтому он решил отправить к ним посла. Однако всюду было ведомо, что в Бремене все дела вершатся в винном погребе и что сенаторы и бургомистр мастера пить; вот шведский король и боялся, как бы они не надели слишком рьяно на его посла и в конце концов не напоили его допьяна, а тогда он согласится и на невыгодные для шведов условия.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

В шведском лагере был полковник, который чудовищно пил. Два-три штофа вина к завтраку были ему нипочем, а вечером на закуску он выпивал полбочонка и затем отлично спал. Вот когда короля мучили опасения, как бы не опоили в бременской погребке его

[Назад](#) << [1](#) ... [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) 7 [8](#) [9](#) [10](#) [11](#) ... [14](#) >> [Дальше](#)